

Поэзия издревле живёт любовью. Каждый по-своему выражает интимные переживания. Независимо от возраста, профессии, личных симпатий поэт чутко улавливает волнения души, тайну зарождения страсти, говорит об этом событии за всех любящих.

Лирическая поэзия – одна из самых потаённых, сокровенных сторон творчества пишущего, способного открыть своё сердце людям, передать в слове могучее и обжигающее чувство любви к человеку близкому и желанному.

Настоящую любовную лирику отличает душевное богатство, удивительное тонкое равновесие физического и духовного. Душе нужны не стихи, а поэзия. И никакие бытовые детали не могут заслонить образ возлюбленной, если поэт верен идеалу, лепит его, как скульптор, с завидным упорством.

Стихи посвящаются разным женщинам. «Любовь – категория вечная, но любят нас женщины смертные», – заметил В. Фёдоров. Образ Прекрасной Дамы остаётся один, но портрет её совершенствуется гармонией поэтических красок

многие века. Сегодня лирику губит «камасутровский настрой», языческая, неуёмная страсть, прямая грубая похоть. И никакой игры в высоком смысле слова, одухотворённого полёта, подлинного изящества в передаче огня любви, радости внутреннего мира! А это – деликатнейшая сфера человеческих чувств, где так необходимы такт, осторожность, мера, особая интуиция.

«Испытания на любовь» проходит лирический герой А. Ореховского во многих изданных сборниках стихов, начиная с первого – «Диалектика любви» (1992 г.).

В книге «На перекрёстках любви» (2003 г.) автор нашёл в себе нравственные силы выразить чувства, посвящённые одной теме, постоянно его волнующей, ответить на вопросы: «А какая она, любовь? Что с ней? Каковы повороты страсти? Чем живёт душа?»

«Чтобы дойти до цели, надо прежде всего идти», – говорил О. Бальзак. Прожитые годы не утолили жажду любить, искать красоту в женщине и удивляться ей. В добром слове лирик делится своей жизнью, не придуманной, без мрачного ожидания смерти, без романтической жеманности и расхожей ныне сентиментальности: «Музыкой распада не зови, не надо!»

Стихи поэта и философа отличаются незаёмной мудростью и искренностью, беспрестанными поисками для женщины планеты Любви. Высокое тяготение держит героя, усиливая его веру в настоящую любовь.

*Где-то в российской дубраве
Грезит о встрече со мной
Женщина в кофточке алой –
Волосы крашены хной!*

Уверенность в том, что «любовь – планета не случайная», что с нею его муза не умрёт, поэт жаждет долгожданной

встречи, когда «и тебе найдутся на планете самые достойные слова».

«Прорубаясь сквозь мрак Дон Кихотом смешным», зная, что современный «лирик, обречённый на страдание, на Земле недолго проживёт», Александр Ореховский благодарит судьбу:

*... светлой частицей в моей биографии
Взошла ты, как всходит луна.*

Он осознаёт свою ответственность перед любимой и перед суровым временем: «Я живу на плацдармах тревоги людской, на открытых ветрах нахожусь постоянно...». Убеждён, что душа человека не убудет,

*Если чуткому сердцу
Отпущено счастье –
Не бояться потерь
Там, где надо дарить!*

Теплота, душевность чувствуется в выстраданных строках:

*Растопит горести, сомненья
Святое пламя глаз твоих –
И ты войдёшь, как озаренье,
В мой просветлённый верой стих.*

Или звучит нравоучительно, но от души, просто и светло:

*Не смирайся с тем, что друг не чуток:
Чуткость – зайчик солнечной любви –
Явится в любое время суток,
Только равнодушьем не спугни.*

Вызревают в пути слова, создаётся образ бескорыстного, духовно щедрого героя на перекрёстках сложных людских отношений, где много ещё лжи, пошлости, цинизма.

*Когда стекают дни
Рекою в океаны,*

*Душевные огни,
Как маяки, желанны!*

Остаётся неизменным желание нести людям доброе: «Я люблю свет незримый дарить...». Озорная безоглядность, отчаянная удаля влюблённого в свою избранницу выплескивается в строчках:

*С тобою – любви моей пленницей –
Я жить и в шалааш убегу!*

Любовь у А. Ореховского проверяется и временем, где телесное даёт о себе знать и в турпоходах, и на курорте, на дискотеке или в купе поезда, где иной раз романтическое и возвышенное, чистое и нежное отброшены, обесценены открытым и наглым общением. Отсюда у него спасительный для души юмор, ирония, залихватская хлёткая строчка, острая сатира на «ветреную» любовь и хамство. «Где б на ветрах – любви – не застудиться...» – подумаешь вместе с автором.

Глубокой любовью пронизаны стихи о матери, родном селе Рубино в Красноярском крае, о сибирской природе – Катунь, Яровом, Карачах, Речкуновке...

«Вызревание красоты» – таково название одной из книг стихов Александра Ореховского. Это продолжение мученического союза с музой. Нравнодушие к чужому потрясению, трагедии пронизывает страницы сборников стихов – «Власть притяжения», «Просветление». В них глубина нравственного сознания лирического героя, его пылкая натура, обострённость чувств сочетается с гражданственностью, ответственностью перед своим народом, Родиной. Не даёт покоя неуёмная боль в душе, отзывается сердце на печали и беды близких и незнакомых людей. «Не позавидуйте поэтам, им жить, страдая, суждено». Откровенная публицистичность, социальность стихотворений слились в единое с глубокими размышлениями «о времени и о себе».

«Чтоб на ветру не угасало слово», многое вобрал в себя лирик, знаменательно его признание:

*Я еду без дорог –
Ухабы на ухабах...
Лишь груз людских тревог
Мне не даёт быть слабым.*

Дидактичность и декларативность отдельных стихов первых сборников не заслоняет главное в поэзии известного учёного, доктора философских наук – «было бы с кем побеседовать, было б кого полюбить...», счастлив: «зерно намолотится, есть, что на стол собирать...».

«Вызревание красоты», «На перекрёстках любви» подводят некоторые итоги поэтического поиска возвышенного слова, выражения своей любви к русской земле, к женщине, к страдающему Отечеству.

Александр Игнатьевич Ореховский, сын села Рубино Красноярского края, не раз бывал на «острие судьбы», «крещён сиротством и тоской», ему самому приходилось нести торбу, «и, словно птиц, бросал на волю горстями – в пахоту – овёс».

Философски осмысливая сложные коллизии бытия, автор остаётся верен своему призванию, «гавани назначения», отчему двору и дому-пятистеннику на краю села. Думой о Родине проникнуты строчки многих стихотворений:

*Клин журавлиный.
Горечь прощания.
Воронов крики,
Как на войне...
Кружатся листья,
Падают листья
Зазимью ранней
В душу мою.*

«На распутье»

*Бутоны раскрывают
Тюльпаны и жарки,
И присягают маю
в лесу бурундуки.*

«Цветение естества»

*Дом-пятистенник,
последний на улице.
За огородом –
ложбинка ручья.
А за оградой
копаются курицы,
Не разберёшься,
горластая – чья?*

«В гостях у детства»

*Ты в сердце – песней,
Рубино моё.*

«Моя родина»

Грустно видеть разорённую войной и временщиками деревеньку, «Где в военные годы шумела рожь... там вырос репей да осот. Речка Четь, обмелев, помутнела, не пестреет в поскотине скот».

В стихах о природе нет театральности, позы, искусственности. Просто, искренне и душевно звучат строки о матери, позабытом родном погосте в исповеди сына: «Знаешь, мама, как душу возносит глаз твоих исцеляющий свет». И хотя «наши плечи скрутило, и ноги скользят: устоять нету силы, и падать нельзя!», отсюда рождается яростное желание: «Не исчезал чтоб русский род в утратах: в тоннели – свет! И ямы – оградить!»

Характерными для творчества Александра Ореховского являются бескомпромиссность, идейная ясность стиха: не-

приемлемы сердцу героя подлость, измена, равнодушие к судьбе народа, насилие и грабёж. Уверенный в правоте доброго, светлого в жизни, он убеждает читателя: «Появится в тоннеле – без сомненья! – спасительный и благодатный свет».

*Есть люди, чуткие к беде,
Способные понять, увидеть,
У них особый, свой удел:
Спалённых горем – не обидеть.*

Светит «месяц – росный смотритель берёзовой сладости», живёт Россия, чисты её глаза:

*Как много на Руси влюблённых глаз –
Доверчивых, наивных и прекрасных!
Теплом души они врачуют нас
И в холода, и в стойкое ненастье...*

Богат мир поэзии Ореховского, в него вошли крутые дороги Кавказа и шукшинские Сростки, иссык-кульская волна и хакасская буланка, трагедия свободы России и дух просветления. Но стержень всего – родная земля:

«Русь, в душе моей – Свет целебный ты!»

Уходя от назидательности и ложной красоты, автор помнит, что «в поэзии истина тонка, чиста, как первый ледок», не сразу ему открывается тайна поэтического идеала Женщины, и потому он более взыскателен в отборе стихов, внимателен, как говорил Василий Фёдоров, к «пластике любви».

Своеобразен и поэтический язык. Многие метафоры возникают на стыке понятий философии, психологии, социологии, этики... Они далеки от вещественно-логического смысла, не свойственны материальному миру. Но иного здесь не может быть. Обилие символов, особое зрение души («аккорды седины», «рефлексия огня», «жернов бытия», «печи сомнений и тревог», «орбита смысла», «лекальная лыжня») передают

сложность переживаемого, желание автора ярче выразить своё мироощущение. Разворачивается в своей необъятности опорное слово-стержень «свет», в нём истоки творческой энергии, эстетические оценки увиденного и пережитого, та мера чувства, глубину которого никто не исчерпал. Отсюда характерные в стихах эпитеты-определения – «целительный», «притягательный», «врачующий», «испепеляющий», «добрый»... Это вечный поиск истины, идущего, к примеру, от тургеневского «тёплого света» и есенинского «несказанного». Перегружена душа лирика существительными женского рода на «ость», образованными от предметов, признаков («расстрельность», «талость», «говорливость», «слёзность», «чейность»»).

Многие стихи посвящены политической борьбе, частью сиюминутной, насыщены лексикой социальных изменений, гражданственно смело заострены современностью. Во многом они широко охватывают реалии мира, концентрируют в себе земные проблемы времени, вместе с этим остаётся ощущение малого погружения во внутреннюю суть лирического переживания. Несомненно, созреет зерно, достигнув совершенства в единстве формы и содержания.

Идёт «вызревание красоты», нового слова, расширяется биополе стиха, поэзии, «её свеча в душе лёд плавит вечно», потому и у Александра Ореховского обострённая тяга к восхождению на вершины мастерства. Умело используя ритмы фольклора, лексику современного языка, любимые корневые слова, повторы в конструкциях строк, автор остаётся верен своей стезе – исцелителя души.

В очерке «Исцеляющая вера» («Московский Парнас») критик Л. В. Ханбеков, преодолевая читательскую «ватную глухоту безразличия, невнимания» к поэтическому слову, дал справедливую и всестороннюю оценку творчества по-

эта-философа. «Александр Ореховский показал себя раскованным и глубоким лириком, способным облечь в яркие, солнечные краски самое радостное и животворное чувство в мире – любовь. Его растворяемость в обожаемой женщине наполняет строки удивительной силой молодости, яркости и открытости».